

АЛЕКСЕЙ ДОВГУН

ПОСЛЕДНИЙ СЕАНС 7

КИНОТЕАТР
ОКТЯБРЬ

КИНОТЕАТР
ОКТЯБРЬ
РЯД 12 МЕСТО 7

ТЁМНЫЕ ИСТОРИИ № 7

Алексей Довгун

ПОСЛЕДНИЙ СЕАНС

<https://litres.ru/74571179>

SelfPub; 2026

Аннотация

Последняя ночь в старом кинотеатре должна была стать обычной. Но в пустом зале кто-то произнёс его имя.

Семён Николаевич сорок два года проработал в кинотеатре «Октябрь». Он видел здесь тысячи людей, десятки фильмов и бесчисленные ночные смены. Но теперь кинотеатр закрывают. Последний сеанс уже состоялся, впереди — реконструкция.

Остаётся только одна ночь.

Семён приходит по привычке, садится в своё кресло и включает чайник. В зале темно. Экран пуст. Динамики отключены.

И вдруг из них раздаётся голос:

— Семён Николаевич.

Содержание

Рассказ	4
Конец ознакомительного фрагмента.	8

Алексей Довгун

ПОСЛЕДНИЙ СЕАНС

Рассказ

Кинотеатр «Октябрь» стоял на углу Ленинского и Малой Садовой — трёхэтажное здание с облезлой лепниной, выцветшей вывеской и тремя ступеньками у входа, стёртыми до блеска миллионами подошв. Когда-то, в семидесятые, сюда ходили всем районом — за билетами выстраивались очереди, в буфете пахло пирожками с капустой и газировкой с сиропом, а на афишах красовались лица советских актёров. Теперь — вывеска с отвалившейся буквой «К», заколоченные окна второго этажа, и только дверь в фойе открывалась по вечерам, впуская тех, кому нужно было пройти сквозь здание насквозь, как через тоннель.

Последний публичный сеанс состоялся вчера. Показывали что-то из советского — комедию, кажется, с добрым концом. Зал был полон на треть — в основном пенсионеры, местные, которые приходили сюда в молодости. После титров — аплодисменты, кто-то даже всплакнул. Директор кинотеатра, молодой мужик в джинсах и свитере, поблагодарил всех, выключил проектор, закрыл дверь на ключ. Через неделю придут строители — реконструкция, «многофунк-

циональный культурный центр», как написано на баннере через дорогу. От старого «Октября» останется только фасад.

Семён пришёл сегодня — в последний раз.

Шестьдесят два года, сутулая спина, седые волосы под тёмной вязаной шапкой, куртка на молнии, потёртые ботинки. В руках — матерчатая сумка, в сумке — термос с чаем, два бутерброда с колбасой, книга в мягкой обложке (старый детектив, перечитанный раз пять). В кармане — связка ключей от всех дверей кинотеатра, включая проекторскую и подвал. Сорок два года работы здесь. Сначала — киномехаником, двадцать два года. Потом — сторожем, двадцать лет. Когда в девяносто восьмом умерла жена, директор был попрошен: «Возьми меня на ночь. Хотя так — рядом быть». Директор согласился. С тех пор — каждую ночь, кроме выходных и праздников, смена в «Октябре».

Подъём по ступенькам, ключ в замок. Дверь открылась с тем же скрипом, что и сорок лет назад — скрип знакомый, как голос старого друга. Фойе — пустое, тусклый свет от аварийной лампы над стойкой. Мраморная стойка пыльная, на ней — старая касса, выключенная, с табличкой «Не работает». На полу — мозаика, потёртая, с изображением кинокамеры. На стенах — афиши, выцветшие, 1980-х: «Москва слезам не верит», «Служебный роман», «Ирония судьбы». Стекло в рамках покрыто пылью, но протирать незачем — через неделю всё равно снесут.

Проход через фойе, толчок двери в зал. Зал — двести

мест, красные бархатные кресла, лепнина на потолке, тяжёлые шторы по бокам сцены. Экран — большой, белый, с жёлтыми пятнами от времени. Динамики над экраном — два, чёрные, в решётках. Свет — только от аварийных ламп у выходов, по четыре с каждой стороны. Запах — старая обивка, пыль, чуть-чуть сырости от стен.

Место в последнем ряду, у прохода — привычное. Термос на подлокотник, чай в крышку, глоток. Горячий, сладкий, с чабрецом — жена так заваривала. Привычка, от которой не удалось отучиться.

Взгляд на экран. Тёмный. Пустой. Как глаз, который ничего не видит.

Гудение трансформатора где-то далеко — в проекторской, на втором этаже. Тихое, ровное, как дыхание. Кинотеатр дышал. Сорок два года это дыхание слышалось. Днём, когда залы полны, оно заглушается шумом. Ночью, когда пусто, — слышно. Как будто здание живое. Как будто оно помнит всех, кто в нём был.

Книга досталась, открылась на закладке. Чтение — медленное, по странице, по строке. Слова расплывались — старость, глаза не те. Но привычка сильнее. Чтение — как ритуал. Как молитва, в которую не веришь, но произносишь.

Часы на стене — девять вечера. До утра — девять часов. Обычная смена. Обычная ночь. Последняя.

В одиннадцать — подъём, разминка спины. Обход зала — первый ряд, последний, левая сторона, правая. Проверка

дверей аварийных выходов — закрыты. Проверка туалета — пусто. Проверка подсобки — швабра, ведро, тряпки, всё на месте. Подъём в проекторскую — узкая комната на втором этаже, с окном в зал. Старый проектор «КНП-7», бобины с плёнкой в металлическом шкафу, стол, стул, лампа. На стене — календарь, июль 1998 года, никто не менял. Взгляд на календарь — и отведение глаз. Не хотелось думать о 1998-м.

Спуск обратно, место в кресле. Долив чая. Открытая книга.

И — услышанное.

Тихо. Как шёпот. Но отчётливо. Из динамиков над экраном.

— Семён.

Книга выпала из рук. Крышка термоса — на пол, чай расплескался. Замирание. Взгляд на экран — тёмный. На динамики — чёрные решётки. На зал — пустые кресла, ряды, тени.

Тишина.

Подъём. Подход к экрану. Взгляд на динамики — провода отсоединены, висят свободно, как усики у жука. Провода — не подключены. Откуда голос?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.